

Studia Culturae: Вып. 4 (46): Биография и нарративы культурной памяти.:  
О.Н.Беллер С. 60-76.

## **О.Н.БЕЛЛЕР**

*Аспирант*

*Санкт-Петербургский государственный университет*

УДК 82-94

### **КРИЗИСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В СЕМЕЙНОМ ДИСКУРСЕ: ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Предлагаемый доклад посвящен анализу дневниковых и мемуарных записей самарского ученого, химика-нефтяника, Николая Николаевича Беллера-старшего (11.01.1901–29.09.1983). На основе дневниковых записей периода Первой мировой и Гражданской войн (1914–1918 гг.) и фрагментов мемуаров 1974 г. показываются сложности самоидентичности, поиска своего места в истории Отечества, сравнивается контекст эпохи и конкретные бытовые сведения из истории семьи. Автор является внучкой Н. Н. Беллера-старшего, в семье хранится обширный архивный фонд, который позволяет вписывать содержащиеся в нем сведения в контекст эпохи и экстраполировать выводы, имея ввиду политическую историю страны в целом. Собраны сведения о более чем четырёхстах персонах, относящихся к семейной истории, в публикациях подробно представлены двадцать два человека, служивших по военным сухопутному и морскому ведомствам в период 1820–1960 гг. Изучение рода становится не только внутрисемейным увлечением [1; С. 25], но и позволяет экстраполировать определенные выводы в контекст современной отечественной истории. Рассматривается отношение к ксенофобии, антисемитизму как одному из её проявлений, еврейскому вопросу на государственном уровне, и связанными с этими понятиями двойной морали в ходе российской истории. Предпринимается попытка указать на причины сложности подхода к самоидентичности, в том числе национальной, не только автора представленных воспоминаний, но и представителей последующих поколений. Затрагивается понятие «снобизм» как превосходство одних людей над другими. В представленных дневниках описаны не только профессиональные занятия членов семьи и связанные с ними подробности их повседневной деятельности, в том числе встречи с некоторыми чиновниками начала 20-го века, но и бытовые, семейные обстоятельства жизни семьи служащего среднего Поволжья. Целью дальнейших исследований является пересечение судеб членов семьи из разных ветвей генеалогического древа, соединившихся в 60-х годах XX века, и поиск решения проблемы отсутствия общественного и личного консенсуса по поводу интерпретации событий отечественной истории, что возможно благодаря обширному архиву весьма разветвлённого и пустившего свои корни в самые разные социальные страты рода.

Представляемые материалы убеждают в актуальности продолжения поисков ответов на эти непростые вопросы и оставляют большое и благодатное поле для дальнейших исследований по теме. Стоит отметить также, что подробные исследования ведутся автором в сложном междисциплинарном поле, которое охватывает такие вспомогательные научные дисциплины, как генеалогия, биография, просопография, некрополистика, дискурс-анализ и т. д.

**Ключевые слова:** генеалогия, биография, просопография, некрополистика, мемуаристика, воспоминания, идентичность, идеология, ксенофобия, дискурс-анализ.

***O.N. BELLER***

*Saint-Petersburg state University, Russia*

## **IDENTITY CRISES AND COPING MECHANISMS IN FAMILY DISCOURSE: THE EXPERIENCE OF BIOGRAPHICAL STUDIES**

The proposed report deals with the analysis of the diary and memoirs of Nikolai Nikolaevich Beller Sr. (11 Jan 1901 – 29 Sept 1983), Samara scientist, oil chemist. Based on diaries of the period of the First World War and the Civil War (1914 – 1918) and fragments of memoirs of 1974, the difficulties of self-identity and the search for one's place in the history of homeland are shown; the context of the era and specific everyday information from the history of the family are compared. The family has an extensive archive fund that allows entering its information into the context of the era and extrapolating the conclusions, keeping in view the political history of the country as a whole. The presented materials convince of the relevance of continuing the search for answers to these difficult questions and leave a large and fertile field for further research on the topic. It is also worth noting that the author conducts detailed studies in a complex interdisciplinary field that covers such auxiliary scientific disciplines as genealogy, biography, prosopography, necropolis research, discourse analysis, etc. The collected information on more than four hundred persons related to the family history makes the research of the genus not only an intrafamily hobby, but also allows to extrapolate certain conclusions into the context of modern Russian history.

**Keywords:** genealogy, biography, prosopography, necropolis research, discourse analysis

Среди более, чем четырёхсот персон, относящихся к семейной истории, в публикациях к настоящему времени представлены служившие по военно-морскому ведомству в период 1820–1960 гг. и отец автора Николай Николаевич Беллер в докладе «Биография ученого-физиолога Н. Н. Беллера через призму семейного дискурса» на Всероссийской научно-практической конференции по истории военно-морской медицины в

рамках международной научно-практической конференции, посвященной проблемам морской медицины в июне 2019 г. в Архангельске.

В разделе доклада, посвященного общественной жизни Н. Н. Беллера, приводится пример отсылки к идеологической борьбе в коллективной монографии 1980 г. «Кортикальная регуляция висцеральных функций» группы сотрудников Лаборатории кортико-висцеральной физиологии и патологии под руководством Н. Н. Беллера. В заключении 4 главы «Проблема избирательности вегетативных нарушений при кортико-висцеральной патологии» он пишет об одной из наиболее сложных в современном естествознании проблем – проблеме взаимоотношений психики и соматики (духа и тела): «Естественнонаучные и философские (методологические) аспекты этой проблемы неразрывно связаны, и неудивительно, что теоретические концепции психосоматической медицины стали объектом не только научных дискуссий, но и идеологической борьбы» [4; С; 182].



Фото 1. Н. Н. Беллер-младший, 1986.

Далее идут размышления о взаимно противоречивых позициях И. Павлова и З. Фрейда. Размышления Николая Николаевича об идеологии и религии получили мощный дополнительный толчок после прочтения текстов, ставших доступными в начале 1990-х: трилогии «Христос и Антихрист», «Царство Зверя» и «Большая Россия» Д. С. Мережковского; «Темный лик», «Метафизика христианства», «Люди лунного света», «Уединенное», «Опавшие листья» В. В. Розанова. Отдельный интерес вызывали у него появляющиеся публикации философов-изгнанников и о них. Среди авторов, попавших в его поле зрения Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, Н. Лосский, М. Осоргин, П. Сорокин, С. Трубецкой. Особенно увлекал его Бердяев с его «устремленностью к духу и к трансцендентному»: «Я... ишу «смысла», но мне нужно не только понять «смысл», мне нужно и реализовать его в полноте жизни. Современный же мир ищет «благ» жизни, силы жизни, но не ищет «смысла» и «История не падает человеческой личности и даже не замечает её».

Его отец Н. Н. Беллер-старший (11.01.1901–29.09.1983) с этими текстами знаком не был, но вопросами миропорядка задавался. Некоторые детали биографии самарского ученого, химика-нефтяника, Николая Николаевича Беллера-старшего (11.01.1901–29.09.1983) будут представлены через тексты его авторства. В семье хранится обширный архив, включающий дневниковые записи периода Первой мировой и Гражданской войн (1914–1918 гг.) и мемуары, написанные им в 1974 г. На основании этих документов попробуем разобраться в причинах сложности подхода к самоидентичности, в том числе национальной, его и последующих поколений.

Отношение к ксенофобии, антисемитизму как одному из её проявлений, еврейскому вопросу на государственном уровне, и связанными с этими понятиями двойной морали в ходе российской и мировой истории обсуждалось в семье открыто и с сожалением. Фамилия Беллер воспринимается и как немецкая, и как еврейская, что создавало проблемы всем членам семьи. Н. Н. Беллер старший пишет в воспоминаниях так: «Наша семья была, несмотря на иностранную фамилию, чисто русской». По одной из семейных легенд прапрадед Егор Беллер – потомок австрийца Андре фон Беллера, который во времена императрицы Екатерины Второй был управляющим имением графа Орлова, где впоследствии появились «орловские рысаки» [5].

Н. Н. Беллер младший искал ответы на эти сложные вопросы у русских философов (откровенный антисемитизм В. Розанова, прикрытый дуализм Д. Мережковского), и в мировой литературе. Одной из последних исторических персон, которые привлекли его внимание, был английский государственный деятель еврейского происхождения, не изменявшей еврейству, премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли. Безусловный интерес вызывал Уинстон Черчилль с его апокрифическим афоризмом «В Англии антисемитизма быть не может, поскольку англичане не считают себя глупее евреев» [9]. Н. Н. Беллер соглашался с критикой тоталитарных идеологий Карла Поппера и его идеей открытого общества, основанного на демократии и критическом мышлении индивидов. «В таком обществе индивиды свободны от различных табу и принимают решения исходя из достигнутого в результате договоренности консенсуса. Политическая элита в таком обществе не имеет неограниченной власти и может быть отстранена без кровопролития. Общество должно быть открыто для множества точек зрения и культур, то есть обладать признаками плюрализма и мультикультурализма» [7; С. 31].

Характерно, что младший сын Н. Н. Беллера старшего, тоже инженер-нефтяник Виктор Николаевич (07.10.1938–24.06.2019), вопреки

возражениям отца русифицировал свою фамилию в 1971 г. после туристической поездки с женой в Чехословакию; они использовали принцип построения чешских фамилий, и теперь его потомки живут с фамилией Белеровы.

Для понимания обстановки в семье важно учитывать не только профессиональные, но и бытовые, семейные обстоятельства жизни. Н. Н. Беллер-старший своего отца Николая Александровича Беллера (1871–1935) описывал так: «Отец имел среднее образование. Но пытливый ум, настойчивый характер, определенная административная способность позволяла ему занимать достаточно высокие по тому времени должности. Начиная службу на Самаро-Златоустовской дороге, будучи вначале начальником небольших станций: Билибей-Аксаково, Кротовка. Впоследствии был начальником станций Самара, Оренбург. С 1913 по 1930 гг. заведовал хлебным элеватором в Самаре». Адрес от сослуживцев с их подписями от 01.01.1914 при уходе в отставку содержит тёплые слова благодарности. Имеется подробное описание системы хранения зерна того времени: «В 1913 году перешел на работу заведующим хлебным элеватором. Государственный Банк с 1912 года выстроил хлебные элеваторы емкостью на 100, 300 тыс. пудов в местах при железной дороге, так называемые линейные элеваторы. Кроме того, были выстроены территориальные элеваторы мощностью на 3 млн. пудов зерна в Самаре, на 1 млн. пудов зерна в Оренбурге. Вот вначале отцу предложили заведовать элеватором на станции Богатое Ташкентской железной дороги, а вскоре Сорочинским, где он проработал до 1917 года. С весны 1917 года до 1918 года отец работал на Волго-Бугульминской ж. д., заведывая хлебными перевозками, а с начала 1918 года был назначен заведующим Московским элеватором. После того, как чехи были изгнаны из Самары, отец вернулся к семье в Самару, где семья все это время, после Сорочинска проживала. Вначале служил в Самарском Губернском финотделе (Финотдел помещался в здании Госбанка на Куйбышевской улице, ныне там Госбанк), а с 1923 года отец вновь получил назначение техническим директором Самарского элеватора системы Зернохранилище. При элеваторе была ему дана большая квартира, куда переехала на жительство вся семья. На новой работе отец прослужил до 1930 года включительно. В дальнейшем до самой смерти работал тарифоведом в организациях города Самары. Строительство элеваторов Госбанком (до революции) имело целью сконцентрировать скупку зерна от производителей его. Зерно на элеватор принималось от крестьянства, определялась его кондиция, и сдатчику выдавалась под это зерно денежная ссуда. На элеваторе зерно сушилось, очищалось и хранилось. Земледелец и крестьянин осенью, после того как собрал урожай, из-за нужды вынужден был продавать хлеб по цене,

которая была самой низкой осенью. Скупали хлеб от крестьянина купцы-хлебники. Они выдерживали его в своих амбарах до тех пор, пока цена повышалась. Теперь при наличии элеваторов крестьянин-производитель имел возможность в какой-то мере избежать дела со скупщиком. Да и крупные производители зерна тоже заинтересованы были в сдаче хлеба на хранение в элеватор, где зерно доводилось до надлежащей кондиции. Так обстояло дело до революции. После Октябрьской революции функции элеватора во многом изменились. В элеваторах стало храниться государственное зерно. Наряду с элеваторами были организованы хлебоприемные пункты. Когда отец работал начальником станции Оренбург (в то время Ташкентской железной дороги), семья жила в квартире, помещавшейся на втором этаже вокзального здания. Окна выходили на перрон, поэтому мы всегда имели возможность наблюдать за всеми подходящими поездами».



Фото 2. Беллеры Николай Николаевич старший, Николай Николаевич младший, Николай Александрович. Самара, 1935.

Традиция обучения музыке и домашнего музицирования описана следующим образом: «...Дед Александр Егорович Беллер (1835–1908) был весьма скромным человеком.



Фото 3. Александр Егорович Беллер. Самара, 1887.

К матери нашей, Ольге Ивановне Беллер, его невестке, всегда обращался на «Вы», называя ее по имени и отчеству. Живя у нас, с нами мальчишками обращался ласково. По вечерам, когда мы с ним оставались, занимался с нами, играл нам на скрипке. .... Его сын, старший брат отца Михаил Александрович Беллер, будучи служащим на железной дороге, был хорошим музыкантом, и даже одно время вечерами дирижировал струнным оркестром в Струковском саду (теперь Городской парк культуры и отдыха)... Учась в Оренбургской гимназии, я, правда, довольно бессистемно, учился и игре на скрипке. Вначале был у меня преподаватель Энгелендер (1915 г.). Он служил в запасном полку солдатом. Полк этот готовил маршевые роты для фронта (была 1-ая Империалистическая война). Его не отправляли на фронт, т. к. он давал уроки музыки командиру полка. После (1916 г.) я брал уроки у Шуберта (зачеркнуто). Энгелендер кончил Варшавскую филармонию. В 1926 году он приезжал в Самару и давал концерт. В 1916 году я брал уроки у Шуберта. Он как поляк и австрийский подданный жил во время войны в Оренбурге, играл в кино «Фурор». Однако, занятия шли очень несерьезно. Как у Энгелендера, так и у Шуберта. Так же, как и я, занимался музыкой мой товарищ по гимназии Сергей Стрелецкий. С ним мы нередко разыгрывали дуэты. Дальнейшую судьбу Стрелецкого, как, впрочем, и почти всех товарищей

по гимназии, после революции не знаю. Чтобы закончить воспоминания о музыке, скажу, что в 1917 году я перевелся из Оренбургской гимназии в Самарскую. Музыкой по классу скрипки стал заниматься в Музыкальном училище бывшего Императорского музыкального Общества у преподавателя Музыки (фамилия педагога). Там же занимался у него и брат, но брат лентяйничал и вскоре бросил брать уроки. В семье никогда не считали, что музыка может стать профессией нас, мальчишек. Считалось, что после окончания среднего учебного заведения, мы будем продолжать образование в каком-либо техническом институте. К этому лично готовил себя и я. Хотя в мечтах хотелось быть дирижером оркестра. В гимназии в Оренбурге я играл в оркестре народных инструментов (на мандоле), пел в гимназическом хору. В 8 классе (Самарская гимназия) дирижировал струнным оркестром, были выступления с оркестром во время гимназических вечеров. На этих же вечерах выступал и на скрипке. Была у меня аккомпаниаторша Муся Дробишевская, гимназистка – очень скромная девушка. Играл в оркестре народных инструментов (на мандоле), пел в гимназическом хору. В 8 классе (Самарская гимназия) дирижировал струнным оркестром, были выступления с оркестром во время гимназических вечеров. На этих же вечерах выступал и на скрипке. Скрипка в дальнейшем все время была со мной, хотя я почти и не играл. Скрипка лежала, пылилась в футляре на книжном шкафу, рядом с флейтой отца. Скрипку продал уже в 1970 году». Традиция прервалась в 1980-е гг., однако нотную грамоту в семье считали обязательной, музыке обучали. Так, в 1970 г. из Куйбышева (Самара носила имя одного из партийных деятелей в 1935–1991 гг.) привезли пианино «Ростов-на-Дону», которое до сих пор хранится в семье.

Далее приведены отрывочные картины раннего детства Н. Н.: «когда отец и мать уходили куда-то вечером, то мы дети (мне тогда было 4 года, Саше – 2) охотно оставались дома с прислугой при условии, что нам дадут «мороженое», что мы называли молоко с сахаром. Помню, как на нас с братом набросилась корова и повалила нас, но дело было зимой, мы оба были в шубках, почему все обошлось даже без синяков. Конечно, все мелочные воспоминания раннего детства не опишешь. Да и вряд ли они могут представлять особый интерес. А в возрасте 7-8 лет все ясно помнится. Ясно помнится смерть деда Александра Егоровича (1908 г.), который последние годы жил у нас. Хоронили его и отпевали (как тогда говорили) в Самаре в Ильинской церкви, теперь снесенной. На месте этой церкви и прилежавшей площади давно уже школа, здание института Гипростокнефть, скверы. Дед Канарейкин И. К. умер в 1912 году».



Интерес к мировым религиям в семье носит культурологический характер, и среди разноплановых предметов культа хранятся иконы 19 века «Спас Вседержитель» и «Святой Николай», оставшиеся от Ивана Клементьевича Канарейкина (1850–1912), киотные кресты Софьи Леонтьевны Беллер, чей отец принадлежал к староверам, пасочницы.

О хозяйственном укладе Канарейкиных написано следующее: «У деда Канарейкина в окрестностях Самары был фруктовый сад (4 ½ десятины), где было много фруктовых деревьев (до 800 яблонь), хороший срубовый дом с мезонином. На лето все его дочери с детьми (сыновья в то время еще не были женаты) съезжались на эту дачу. Там и наша семья жила летом. Особо следует отметить, что кроме меня и брата, ежегодно наши двоюродные братья Николай и Александр. Мы были все четверо погодки.



Фото 4. Иван Клементьевич Канарейкин, 1898.



Фото 5. Беллеры, Рожновы, Канарейкины, 1905.

Общие игры, шалости, общие интересы делали нашу жизнь все лето и привольною, и здоровою. Дед Иван всегда к лету готовил для каждого внука 4 удочки с лесками, поплавками и прочим для рыбалки в пруду, который был на даче. В пруду водились караси. 2 бочки мальков карася было выпущено в пруд сразу после приобретения дедом дачи. Но интересно, что пойманных на удочку карасей мы отпускали снова в пруд, отрезая лишь кончик хвоста ножом, для метки и не было случая, чтобы меченый карась снова попался на удочку. Или хвост отрастал у карася, или карась погибал? А, может быть, он был умнее нас тех лет. От дома к пруду шла дорожка и на полпути были разбиты грядки с земляникой. Соблазн большой был полакомиться ягодой. И если бы не хитрость наших матерей, то немного бы они собрали ягод на варенье, когда «дружная» компания ребят из 4-х человек, навещала бы эти грядки. Но мамы нас предупредили, что в грядках есть тарантулы, а мы были уже осведомлены, насколько ядовиты их укусы. Поэтому, приближаясь по дорожке к этим грядкам, мы заранее прибавляли шаг и чуть не бегом мимо них. Жили мы между собой дружно, но, конечно, были и ссоры. Нередко нами коноводил дядя Виктор, который был старше нас лет на 7. Научил нас играть в карты (в 21). Вместо денег у нас котировались лесные яблоки. На даче росло 3 дерева дикушек. Игра была обычно в теплице, которая летом пустовала. Впрочем, после того, как родители узнали об этих наших играх, все было покончено с соответствующими внушениями не только нам, но и дяде. Естественно, что в фруктах нас не ограничивали. Однако дед страшно был недоволен, если мы закусывали яблоки на нижних ветках, не отрывая их с дерева. Мы закусывали яблоки, пробуя их, вкусны ли они? Особенно нам нравились сорта яблок: черное дерево, царский шип. Вообще же дачу следовало считать промышленным садом. Ягоды и фрукты посылались на базар. Помню, что цена яблок «падали» была 2 коп. за фунт. При саде был постоянно садовник, который жил в отдельном доме. Зимой он был сторожем и охранял сад. Помните, что летом нанимались девушки (чел. 10), которые окапывали приствольные круги у яблонь. Работа шла с песнями. Считалось за правило под каждую яблоню летом влить одну бочку воды. Для этого держали лошадь, которая и развозила по саду воду из озера. Мостки ежегодно весной делал сам дед. Кроме этой лошади была еще выездная. На ней ежедневно выезжал кучер за дедом в город, а утром отвозил его в город. При этом дед ездил на лошади только до «конки», а по городу на «конке». В то время (до 1912 г.) трамвая в Самаре не было. Ходила «конка», т. е. вагон по рельсам тянула пара лошадей. Остановки по требованию публики. Подняла дама зонтик и кучер останавливал конку. Сидящий же в конке пассажир для остановки дергал ремешок, натянутый

вверху вагона. Цена билета 2 коп. Конка ходила от «хлебной площади» по Дворянской (ныне Куйбышевской) улице и далее по Самарской, Полевой до тюрьмы, теперь общежитие студентов Мединститута. Вторая линия конки была до Оврага подпольщиков (Постников овраг). Самара в то время асфальтовых покрытий дорог не имела. Улицы мостились булыжниками. И вот дед, оберегая ноги своей лошади, ездил на ней лишь по грунтовым дорогам. Экипажем служил «гарантас». Это лёгкая на рессорах тележка с плетеным кузовом. Сиденье для двоих и впереди для кучера. Мы, ребята, усаживались по бокам на дне, спустив ноги на крылья. Вообще дед очень берег лошадь. Так, когда мне пришлось полгода жить у деда, в связи с переездом нашей семьи из Самары в Оренбург, до окончания учебного года, то я должен был ежедневно ходить пешком на учебу от дома деда с угла Саратовской (ныне Фрунзе) и Воскресенской (Пионерской) улиц до Коммерческого училища (теперь, Строительного института (ул. Соборная) (Молодогвардейская) и Симбирской (Ульяновской) ул. За все это время только раз меня отвозили на лошади в школу. Дед и бабушка Канарейкины жили дружно. Бабушка Елена Михайловна хорошо читала, но писать не умела. После смерти дедушки его хоть и небольшая библиотека была вытащена на чердак. Бывший кучер всю эту библиотеку сменял на выпускные детективных книжонки, популярных в то время, таких как «Наш Пинкертон», «Шерлок Холмс», «Пещера Лихтенштейна» и т.п. Цена каждой книжонки – 5 коп. Бабушка читала их с большой охотой. Когда же хватились до библиотеки деда, то от нее остался лишь один томик стихов Байрона. В год смерти деда (1912) был продан и сад, и лошадь и все, связанное с ним хозяйство».

О системе образования можно судить по следующим строкам: «Я и брат учились в Оренбургской гимназии. Надо сказать, что гимназия находилась от станции километрах в трех. Транспорта городского в то время не было никакого. В гимназию ходили ежедневно пешком. Права, иногда удавалось воспользоваться грузовыми извозчиками, которые ехали порожняком или на станцию, или со станции. Хоть и гоняли нас ломовщики, но все же иногда бывала и удача. Интересно, что если теперь зимой все носят меховые шапки, теплые ботинки, нередко даже на меху, то мы мальчишки-гимназисты обязаны были и зимой, и летом ходить в фуражках, на ногах кожаные ботинки, в слякоть и зимой с галошами. При особо сильных холодах, когда мы были 10-12 лет, мать повязывала нас башлыками. Бывало в мороз выходишь утром в гимназию и смотришь на пожарную команду: есть там белый флаг или нет. При морозе в -25 по Реомюру мы не учились. Оставаться дома – был целый праздник. Я проучился в Оренбургской гимназии с 2-го по 7-ой класс включительно. Учился средне. Кончал гимназию в Самаре, куда перешел в 8-ой класс. До

сих пор хорошо помнишь всех преподавателей, всех товарищей, с которыми провел столько времени. И скажешь им всем большое спасибо. Учили нас крепко. До сих пор помнишь чему учили. А предметов было много. Из иностранных языков учили: немецкий язык с 1-го класса, французский со 2-го, латинский с 3-го класса. Да не кое-как! Правда, в задачу обучения ставилось в основном умение хорошего перевода, а не разговорная речь. При изучении истории преподаватель требовал не только знания материала, но и умения хорошо его изложить. Учили историю, начиная с 3-го класса: древнюю, средневековую и новую, а также историю России. Серьезно велись занятия по географии, хотя мы и издевались над преподавателем (Кабакчи). В последних классах изучались психология, логика, правоведение. Я не говорю уже о таких предметах, как математика, физика, русский язык, словесность. Большое внимание в нашей советской школе уделяется физической подготовке. Когда мы учились, на это обращалось, вероятно, недостаточное внимание, однако, еженедельно один час отводился для сокольнической гимнастики и один час для военной. Сокольническую гимнастику преподавал чех Богумил. По-теперешнему это легкая атлетика (турник, брусья, кобыла и др.) Каждый был обязан иметь гимнастический костюм (носить его школу очень не любили). Костюмы (брюки и тельняшки) выписывали для нас из Чехии. На военной гимнастике занимались строем, ружейными приемами. Для занятий приходил какой-то военный. Я не упомянул еще одного обязательного для всех нас «православных» предмета – это Закона Божия. С 1-го и до последнего 8-го класса. Впрочем, обычно, у всех по этому предмету было 5. Будучи уже 13-летним, я прочитал книгу (кажется, В. Строева) «Дневник гимназиста» и мне захотелось самому вести дневник. Я завел общую тетрадь и сделал соответствующие посвящения, вроде: «Обращаюсь к тебе, дневник, говорить лишь одну правду», стал делать в нем записи. Записи делал от случая к случаю. Дневник этот я вел с 1914 по 1917 гг. Представляет ли он интерес для посторонних? Вряд ли. В нем описаны некоторые случаи из личной жизни, случаи, имевшие место в гимназии. Конечно, уделено внимание и юношескому увлечению девочками. Все это было, как бывает почти у всех мальчишек такого возраста. Но помню, что большой интерес к моему дневнику проявил брат. Приехав к отцу в гости на сутки (из Сталинграда в Куйбышев), он случайно нашел дневник в книжном шкафу, и читал его более полдня, пока не прочитал весь. Да и понятно, ведь многое в дневнике касалась нас обоих, нашей совместной жизни, совместных интересов. Оба мы учились в гимназии. Он, как младший, учился двумя классами ниже. Лето всегда проводили вместе. Он стал врачом. Умер в возрасте 56 лет. Была у нас еще сестра Ольга, младше

меня на 7 лет. Будучи замужем, она жила в Ленинграде. В 1942 году во время блокады была эвакуирована вначале в Куйбышев, где жила в моей семье. Умерла в 1944 году. Прожив 73 года и взявшись за перо с целью воспоминаний, трудно все так систематизировать, чтобы изложить события и случаи в хронологическом порядке и по общности предмета изложения. Поэтому я и пишу многое хаотично. Ведь может быть и незначительных, но в жизни за это время было много такого, что детям будет интересно узнать о прошлом».

Завершаются воспоминания описанием сюжетов, связанных со службой отца-железнодорожника: «Мы могли наблюдать из окон квартиры, кроме посадок в поезда пассажиров по первому звонку (тогда пассажирские поезда отправлялись по звонкам в станционный колокол. Дежурный по станции давал знак, и сторож звонил. Отходил поезд по третьему звонку. После третьего звонка старший кондуктор давал свисток, затем свисток паровоза и поехали. Подход поезда к станции также отмечался звонком в станционный колокол. Радио в то время не было. Взамен его звону и свистков было много. Так и в пассажирских залах ожидания прибытие поезда, и начало посадки в вагоны ходил швейцар с колокольчиком, звонил и объявлял. Но были и особые случаи, когда мы имели возможность видеть приезды в Оренбург по тому времени «больших» людей. Так, например, памятен приезд бывшего военного министра Сухомлинова. (Насколько помню, этот Сухомлинов якобы был обвинен впоследствии в измене во время русско-германской империалистической войны). В Оренбурге жил его старший брат генерал-губернатор Оренбургской губернии и атаман Оренбургского казачьего войска. К моменту прибытия поезда вокзал и прилегающая территория были оцеплены жандармами. Дело было зимой (январь). Стояли морозы. При подходе специального поезда на перроне выстроилась группа военных офицеров во главе со старшим братом. Когда поезд остановился, все офицеры сбросили с себя на руки стоявших сзади солдат-денщиков шинели, и, оставшись в мундирах при всех регалиях, встречали министра. Генерал-губернатор строевым шагом направился к вышедшему из вагона министру (тот был в шинели с красными отворотами) и отдал ему рапорт. После этого братья расцеловались. Затем последовало уже знакомство с другими стоявшими чинами. Министр Сухомлинов был среднего роста, полный. Брат же его высокий, сухощавый. Не менее запомнилась и встреча министра путей сообщения. В нашу бытность в Оренбурге министром путей сообщения был Рухлов. Это было уже непосредственное начальство отца. Встречать его вышло все железнодорожное начальство, во главе с начальником дороги, начальником службы движения и другими начальниками. Встреча была летом. Надо было быть одетым по форме: в

мундире, сапогах. Отец никогда сапог не носил. Помню, что этого случая он у кого-то их занимал. Да и мундир стал ему велик, т.к. он в это время похудел, и мать накручивала ему на талию оренбургский пуховый платок, дабы мундир был по фигуре. Перрон к прибытию поезда был оцеплен. Начальство в мундирах выстроилось в ряд, где-то так 8-10 человеком стоял и отец. Наконец, подошел специальный поезд (обычно эти поезда состояли из 5-ти хороших классных вагонов-салонов. Специальные поезда по дороге вел начальник технологической службы тяги. Из вагона вышел министр Рухлов и его жена. Министр был в шинели с зелеными отворотами. (Зеленый цвет – цвет путейцев. На железной дороге инженеры-путейцы носили зеленые канты, служба тяги – синие, служба связи (телеграф – желтые). Началась церемония представления. С каждым министр здоровался за руку, затем знакомил с женой. Каждый встречавший целовал руку жене. Мать, зная, что отец не целовал рук у женщин, смотрела, поцелует ли отец руку жены Министра, следуя примеру других. Но нет. Отец, лишь когда здоровался, низко-низко поклонился. Мать, насколько мы заметили, была довольна. Рухлов был среднего роста, а какой дальше не помню, да и не интересовался. Из других таких встреч, можно отметить приезд Эмира бухарского. В Оренбурге много проживало татар. Они были магометанского вероисповедания. Эмир бухарский считался главенствующим у магометан. Он имел свой специальный поезд (вагонов 5). Вагоны были снаружи полированные, темно-коричневые и украшены полумесяцами и звездами металлическими. К моменту подхода поезда на перрон выстлалась ковровая дорожка от входа в вокзал к предполагаемому месту подхода вагона эмира. (Машинист должен был так подвести поезд, чтобы вагон эмира остановился у дорожки). Вестибюль вокзала устлался коврами. Рассказывали, что оренбургские татары по приезду эмира подарили ему дом в Оренбурге, преподнеся купчую крепость на дом на серебряном подносе. За это эмир подарил татарам 80 тыс. рублей. Вообще, Эмир одаривал многих. Так, даже отец получил большую серебряную звезду 1-ой степени. Фирман на звезду долго у нас был, серебро звезды ушло в тридцатых годах в Торгсин, а из центра звезды эмалевого, где были надписи арабским шрифтом, сделали сестре брошь. Какую ценность имели звезды эмира бухарского можно судить уже по тому, что после концерта в Дворянском собрании, где присутствовал Эмир, преподаватель правоведения нашей гимназии подал ему пальто и за это преподаватель (фамилии его не помню) получил серебряную звезду 3-й степени. Проезд Эмира бухарского мы видели несколько раз. Эмир имел поместье или дачу в Крыму, куда он и ездил. Проезжал через Оренбург и Хан хивинский. Этот одаривал цветными халатами. У отца был

парчовый, расшитый золотыми и серебряными нитями, халат – подарок хана. Использовали этот халат мы, ребята, на костюмированных вечерах. В двадцатом году халат выменяли на продукты. Как-то в Оренбург приехала труппа лилипутов. За время гастролей они жили в вагоне, который стоял в тупике. Помню, что отец познакомил меня, 10-11 летнего парня с одним из артистов. Я крайне неловко себя чувствовал, т. к. не знал, как с ним держаться. Ведь ростом он был меньше меня, но в костюме, шляпе, с тросточкой. Как многие дети мы ничем особенным не отличались. Игры со станционными ребятами, катание на коньках, благо в садике при станции заливался каток, в субботу и воскресенье обязательное посещение церковной службы. При этом в субботу и воскресенье нам разрешено было гимназическим начальством посещать службу в архиерейском доме, который был около станции, ну а в воскресенье обязательно ходили к обедне (церковная служба) в гимназическую церковь».

Наряду с проблемой ксенофобии и антисемитизма в семье открыто обсуждалось понятие «снобизм», предлагались разные объяснения этого явления и в кругу семьи, и в служебных обстоятельствах. Превосходство одних людей над другими, либо таковое мнения о себе, занимало многих членов семьи из разных ветвей. Возможно, в перспективе появятся научные исследования антисемитизма в научных кругах, в том числе в университетах и профильных институтах в советские годы с позиций истории и философии науки, социологии, психологии. С общим понятием «антисемитизм» в Советском Союзе в 1950–80-е годы, в России в 1990–2000 годы можно ознакомиться в Электронной еврейской энциклопедии. Выдержка из заявления 1971 года партийного функционера академика Г. Арбатова о том, «что 90% советских евреев, остающихся в СССР, «выглядят в неблагоприятном свете» (то есть неблагонадежны), таким образом косвенно подтверждая, что антисемитские меры, в частности, кадровая политика, вполне оправданны», объясняет действия руководителей и кадровиков на местах. Понятие «снобизм» в настоящее время далеко ушло от первоначальной этимологии «от существительного сноб (англ. Snob), изначально «ученик сапожника; подмастерье. Впервые зафиксировано в 1781 г.; с 1796 г. широко использовалось в Оксфордском университете в значении «городской торговец». В начале XIX века основное значение – «человек из простонародья». В 1840-х стало использоваться в значении «человек, неуклюже пытающийся подражать тем, кто стоит выше; человек с претензиями без достаточных на это оснований». Слово получило широкое распространение после появления в 1848 г. романа У. Теккерея «Книга снобов» (Book of Snobs)». В книге «Всемирная история высокомерия, спеси и снобизма» финский писатель и

исследователь Ари Турунен рассказывает о сильных мира сего, которые пострадали от собственного снобизма: «История подтверждает: надменность и высокомерие с незапамятных времен становились причинами разорения, испорченной репутации или гибели. Нередко власть, успех и высокое положение в обществе делают людей высокомерными, неадекватными и глухими к чужому мнению» [8; С. 76]. Среди современных отечественных авторов выделяется мнение о снобизме Д. Л. Быкова: «Вообще я очень люблю снобизм как жизненную стратегию, но когда разговор заходит в литературную плоскость, ему зачастую не находится места. Ведь снобизм – это про презрение, а оно не очень плодотворно» [6].

В перспективе автора увязать пересечение судеб членов семьи из разных ветвей генеалогического древа, соединившихся в 60-х годах XX века и продолжить работу по восстановлению кругов общения на основании документальных данных. Целью дальнейших исследований также является поиск решения проблемы отсутствия общественного и личного консенсуса по поводу интерпретации событий отечественной истории, что возможно благодаря обширному архиву весьма разветвлённого и пустившего свои корни в самые разные социальные страты рода.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Аленичев В, Аленичев В. Семейный архив как необходимый начальный источник сведений в историко-генеалогическом исследовании. Современные гуманитарные исследования, 2(27). – 2009. – с. 25-28.
2. Артамошкина Л. "Аристократизм духа" в исторической памяти поколений. – Вопросы философии, 8. – 2017. – с. 146-154.
3. Артамошкина Л. Виды биографического письма: генеалогия, семейная летопись / воспоминания. В мире научных открытий. 11-3 (47). – 2013. – с. 205-216.
4. Беллер Н. (под руководством). Кортикальная регуляция висцеральных функций. – Л.: Наука. – 1980. – с. 182.
5. Менякина О. Воспоминания об отце Александре Николаевиче Беллере. Сайт, посвященный жизни и творчеству архитектора Ю. И. Менякина. URL: <http://menyakin.ru/beller-aleksandr-nikolaevich/>. (дата обращения 18.05.2020).
6. Познер, Быков, Богомолов на Non/fiction – о самых важных книгах. URL: <https://snob.ru/entry/186165/>. (дата обращения 20.08.2020)
7. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс. – 1983.
8. Турунен А. Всемирная история высокомерия, спеси и снобизма. – М.: Альпина Паблишер. – 2018.
9. Черчилль У. Сионизм против большевизма: Борьба за душу еврейского народа. В «Санди Геральд» от 08.02.1920. URL: <https://evreimir.com/63962/uinston-cherchill-ohoroshlitenipih-i-plohiv-ev/>. (дата обращения 28.04.2020).



## REFERENCES

1. Alenichev V, Alenichev V. Semejnij arhiv kak neobhodimyj nachal'nyj istochnik svedenij v istoriko-genealogicheskom issledovanii. *Sovremennyye gumanitarnyye issledovaniya*, 2(27). – 2009. – P. 25.
2. Artamoshkina L. "Aristokratizm duha" v istoricheskoy pamyati pokolenij. – *Voprosy filosofii*, 8. – 2017. – P. 146-154.
3. Artamoshkina L. Vidy biograficheskogo pis'ma: genealogiya, semejnaya letopis' / vospominaniya. *V mire nauchnyh otkrytij*. 11-3 (47). – 2013. – P. 205.
4. Beller N. (pod rukovodstvom). *Kortikal'naya regulyaciya visceral'nyh funkcij*. – L.: Nauka. – 1980. – P. 182.
5. Menyakina O. Vospominaniya ob otce Aleksandre Nikolaeviche Bellere. Sait, posvyashchennyj zhizni i tvorchestvu arhitekтора Yu. I. Menyakina. URL: <http://menyakin.ru/beller-aleksandr-nikolaevich/>. (data obrashcheniya 18.05.2020).
6. Pozner, Bykov, Bogomolov na Non/fiction – o samyh vazhnyh knigah. URL: <https://snob.ru/entry/186165/>. (data obrashcheniya 20.08.2020)
7. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya*. – M.: Progress. – 1983.
8. Turunen A. *Vsemirnaya istoriya vysokomeriya, spesi i snobizma*. – M.: Al'pina Pablisher. – 2018.
9. Churchill W. Zionism versus Bolshevism: a Struggle for the Soul of the Jewish People. Illustrated Sunday Herald (London), February 8, 1920, URL: <https://evreimir.com/63962/uinston-cherchill-o-horoshliterih-i-plohiv-ev/>. (data obrashcheniya 28.04.2020).